

Набоков Владимир Дмитриевич

**Сборник статей по
уголовному праву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Дмитриевич Н.**
Сборник статей по уголовному праву / Набоков Владимир Дмитриевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 324 с.

ISBN 978-5-519-98490-4

ISBN 978-5-519-98490-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Содержаніе и методъ науки уголовного права ¹⁾.

Итътъ пятнадцать тому назадъ одинъ изъ нашихъ выдающихся ученыхъ, характеризуя въ блестящей рѣчи тогдашнее состояніе науки права, находилъ, что матеріала накоплено много, отдѣльные вопросы до извѣстной степени разработаны, а общія начала составляютъ какъ бы камень преткновенія; первыя страницы въ каждой отрасли нашей науки, говорилъ онъ, сами изображаютъ собою знакъ вопроса, и причина этого заключается въ томъ, что далеко еще не разрѣшенъ вопросъ, откуда и какъ черпать основы для науки. Многое изъ того, что прежде считалось безспорнымъ, подверглось сомнѣнію; многіе изъ прежнихъ научныхъ кумировъ осмѣяны и свергнуты, и закипѣла усиленная работа для отысканія новыхъ путей и источниковъ научнаго знанія.

Справедливныя въ то время, слова эти еще съ гораздо большимъ основаніемъ могли бы быть приложены къ современному положенію науки права вообще и въ частности уголовного. Въ настоящее время уже не первыя страницы, а самое оглавленіе нашей науки, если можно такъ выразиться, представляетъ знакъ вопроса; разнорѣчія и споры касаются не отдѣльныхъ деталей, а собственнаго содержанія, метода науки уголовного права. Обстоятельство это вызвано преимущественно возникновеніемъ школы, поставившей себѣ цѣлью изученіе преступленія, какъ явленія соціальнаго, и преступника, какъ разновидности антропологической; —школы,

¹⁾ Вступительная лекція, прочитанная авторомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія 9 сентября 1896 года.

приверженцы коей, выступивъ врагами предшествовавшаго направленія, придали послѣднему названіе классическаго, не въ смыслѣ эпитета, знаменующаго простоту и красивую стройность, эти обыкновенные атрибуты классицизма, а въ оскорбительномъ значеніи клички, рисующей нѣчто устарѣлое, отвлеченное, мертвое.

Какковы бы ни были результаты новаго движенія, несомнѣнно одно: въ виду громадности литературы, имъ вызванной, въ виду значенія вырабатываемыхъ имъ данныхъ, теперь невозможно обойти его молчаніемъ. Оно коснулось важнѣйшихъ и капитальнѣйшихъ вопросовъ, лежащихъ въ основаніи уголовнаго права: идея ответственности, эта альфа и омега всѣхъ уголовно-юридическихъ построеній, подверглась безпощадной критикѣ, стоящей на почвѣ детерминистическаго міровоззрѣнія; самой наукѣ права указаны были другіе приемы, прежніе были объявлены достоинствомъ мертвой схоластики, и надъ всѣми трудами этого новаго направленія поднято было знамя „естественно-научнаго метода“.

При такихъ коренныхъ разногласіяхъ, начинающихся прямо ab ovo, всякій, кто себя посвящаетъ изученію уголовнаго права, а тѣмъ болѣе тотъ, на кого возложенъ почетный и возвышенный трудъ преподаванія, прежде всего обязанъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ онъ понимаетъ содержаніе и методъ своей науки, и указать въ связи съ этимъ на вытекающія изъ этого пониманія задачи преподаванія.

Подъ *содержаніемъ* науки подразумѣвается тотъ матеріалъ, надъ которымъ она работаетъ. Матеріалъ этотъ черпается отовсюду, но для каждой данной науки онъ представляется чѣмъ-то однороднымъ, объединеннымъ по одному какому-либо признаку. Существованіе такого матеріала есть условіе самаго рожденія каждой науки; въ большей части названій, обозначающихъ ту или другую научную отрасль, обыкновенно мы находимъ указанія на этотъ матеріалъ.

Таковы, напр., названія „астрономія, минералогія“ и др. Но юридическія науки не окрещены именемъ латинскаго или греческаго происхожденія: слово „юриспруденція“ обозначало скорѣе искусство римскихъ юристовъ, чѣмъ науку въ настоящемъ значеніи слова. И

такъ какъ научныя отрасли отдѣляются другъ отъ друга именно по особенностямъ своего предмета, то въ названіяхъ разнообразныхъ юридическихъ наукъ предметъ науки нерѣдко смѣшивается съ самой наукой въ одно.

Въ обычномъ словоупотребленіи выраженіе „уголовное право“ обозначаетъ именно ту отрасль юридическихъ наукъ, которая занимается изученіемъ преступленія и наказанія, какъ юридическихъ отношеній.

Наука эта самостоятельнаго названія не имѣетъ: лишь въ самое послѣднее время пущено въ обращеніе имя „криминологіи“, какъ разъ въ ту эпоху Sturm und Drang, начало которой относится къ появленію главнаго труда Ломброзо. Въ этомъ словѣ „криминологія“ и въ отождествленіи этой криминологіи съ наукой уголовного права мы представляется наиболѣе яркій и осязательный примѣръ той логической ошибки, которая лежитъ въ основаніи всего современнаго раскола среди криминалистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы читаемъ у одного изъ представителей такъ называемаго соціологическаго направленія въ области науки уголовного права такое опредѣленіе послѣдней, согласно которому она есть наука, занимающаяся изученіемъ преступной дѣятельности, раскрытіемъ естественныхъ законовъ, обусловливающихъ собою эту дѣятельность, и изученіемъ и установленіемъ средствъ и способовъ борьбы съ этою дѣятельностью, то невольно возникаетъ вопросъ: причѣмъ жетуть „право“? Согласимся ли съ Терингомъ, что право есть юридически защищенный интересъ, или скажемъ, что право разграничиваетъ интересъ, или, что оно мѣра свободы, словомъ, какое бы ни приняли изъ этихъ безчисленныхъ опредѣленій, изъ которыхъ каждое стремится выразить наиболѣе рельефно внутреннюю сущность и движущую идею права, — ни для одного изъ этихъ понятій нѣтъ мѣста въ приведенномъ опредѣленіи, и происходитъ это оттого, что въ этомъ опредѣленіи авторъ сходитъ съ юридической почвы и, характеризуя содержаніе еще зарождающейся уголовной соціологіи, совершенно забываетъ уголовное право. И читатель невольно приходитъ къ такой дилеммѣ: или науки уго-

ловнаго права не существуетъ, или она имѣетъ содержаніе, не укладывающееся въ указанныя рамки. Мы не затруднимся принять второй отвѣтъ не только потому, что юристъ, отвергающій юридическую науку, представляется какимъ-то *contradictio in adjecto*, но и вслѣдствіе той совершенной опредѣленности, которая, по нашему мнѣнію, присуща наукѣ уголовнаго права, какъ наукѣ юридической, въ отличіе отъ уголовной соціологін, какъ науки общественной.

Смѣшеніе этихъ двухъ отраслей обыкновенно начинается съ того, что ихъ содержаніе отождествляютъ. И наука уголовнаго права и уголовная соціологія, говорятъ, имѣютъ своимъ предметомъ преступленіе, но изучаютъ этотъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ выражается и такой заправскій юристъ какъ Гарро. Между тѣмъ, тѣ понятія преступленія и наказанія, которыя лежатъ въ основаніи уголовнаго права,—вовсе не тѣ, надъ которыми оперируетъ соціологія. Последней до юридическаго значенія тѣхъ дѣяній, природу которыхъ она изучаетъ, нѣтъ никакого дѣла.

Соціологъ подъ преступленіемъ понимаетъ нарушеніе нормальныхъ условій общежитія. Для юриста—преступленіе есть посягательство на норму, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ.

Не ясно ли, что это не двѣ точки зрѣнія, а два разныхъ предмета. Какъ отклоненіе отъ нормальныхъ условій общежитія можетъ выражаться въ формахъ, не предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ (напр. пьянство, половой развратъ), такъ наоборотъ посягательство на норму можетъ само по себѣ не нарушать нисколько нормальныхъ условій общежитія. Исторіи извѣстны примѣры законовъ, представляющихъ плодъ чистаго произвола, не обезпечивающихъ достиженія какой-либо разумной цѣли. Законы эти не могутъ быть долговѣчны. Тѣмъ не менѣе посягательство на нихъ, разъ они были изданы надлежащею властью, есть преступленіе,—въ юридической системѣ оно можетъ стоять рядомъ съ убійствомъ, кражей и т. д., для соціолога же оно безразлично, для него нѣтъ точки зрѣнія, съ которой онъ могъ бы смотрѣть на такое посягательство, разъ оно не играетъ роли въ условіяхъ общежитія.

Оттого приверженцы социологического направления принуждены были создать теорию двух родов преступных дѣяній: одни *délits naturels*, другія *délits relatifs*. Различіе, не имѣющее для юриста никакого смысла, ни значенія, да и для автора теоріи представляющее немаловажныя затрудненія, такъ какъ *délit naturel* опредѣляется имъ какъ „*l'outrage fait, en tout temps et en tout pays, à un certain sentiment moyen de pitié et de justice*“, причемъ даже приблизительно не указаны предѣлы этого „*sentiment moyen*“.

Я думаю, можно наиболѣе наглядно выразить предметное различіе науки уголовного права отъ уголовной социологін, сказавъ, что для первой преступленіе и наказаніе суть понятія, а для второй — явленія общественной жизни. Тѣ однородные признаки, на основаніи которыхъ различныя дѣянія относятся юристомъ въ категоріи преступленій, вовсе не имѣютъ значенія для социолога, такъ какъ признаки понятія не тождественны съ признаками явленія. Изучая преступленіе, какъ юридическое понятіе, юристъ долженъ изслѣдовать весь тотъ сложный комплексъ юридическихъ нормъ, которыми регулируются отношенія людей между собой, и бытіе которыхъ есть необходимое условіе бытія сказаннаго понятія. Тѣ явленія дѣйствительной жизни, которыя проходятъ передъ его глазами, имѣютъ для него значеніе, входятъ въ кругъ его науки, только постольку, поскольку они относятся къ этимъ нормамъ. Отсюда и виновникъ преступленій разсматривается ими только постольку, поскольку онъ, какъ выразился Н. С. Таганцевъ, вложился въ фактъ преступленія.

Вопросъ о значеніи преступленія въ ряду другихъ явленій общественной жизни не изслѣдуется юристомъ, такъ какъ въ матеріалѣ, надъ которымъ онъ работаетъ, — „совокупности юридическихъ нормъ“ — онъ не найдетъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Именно противъ работы среди понятій, выведенныхъ абстракцій, противъ изученія, по образному выраженію одного ученаго, логики величинъ ополчилась новая школа въ уголовномъ правѣ.

При этомъ, однако, она не напала непосредственно *an sich* für sich на такъ называемую классическую науку уголовного права

Нѣтъ, она стремилась доказать, что самое это уголовное право есть продуктъ вѣкового заблужденія, что оно построено на ложныхъ началахъ, отвергнутыхъ современнымъ естественно-научнымъ мышленіемъ, что всѣ дѣйствующія уголовныя законодательства безцѣльны и несправедливы, — а слѣдовательно необходимо отъ нихъ отказаться и пойти по той дорогѣ, по которой ведетъ такъ называемый естественно-научный методъ, для изысканія новыхъ цѣлесообразныхъ способовъ борьбы съ преступностью.

Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ между уголовной социологіей (въ обширномъ смыслѣ) и наукой уголовного права не формулируется приверженцами социологическаго направленія такъ: могутъ ли существовать обѣ эти науки рядомъ, или одна должна поглотить другую.

Ихъ *prium desiderium* заключается въ упраздненіи всей системы юридическихъ понятій, выведенныхъ изъ изученія уголовного законодательства. Въ проектируемой ими криминологіи для современной науки уголовного права вовсе нѣтъ мѣста, такъ какъ ей рѣшительно не откуда почерпать юридическія понятія. Отмежевать ей область средствъ и способовъ борьбы съ преступностью было бы неправильно, такъ какъ въ этой области на первомъ планѣ выступаетъ не наказаніе, какъ юридическое послѣдствіе преступленія, а *sostitutivi penali*, мѣры, замѣняющія наказаніе и дѣлающія примѣненіе его бесполезнымъ. Борьба съ преступностью, или, вѣрнѣе сказать, антисоціальными проявленіями человѣка, совершенно утрачиваетъ юридическій характеръ. Если одинъ изъ крайнихъ представителей новаго направленія, проф. Варга, въ недавно вышедшемъ трудѣ „*Die Abschaffung der Strafknechtschaft*“, высказываясь за сохраненіе въ области криминологіи и уголовного права, въ тѣсномъ смыслѣ, ставить въ основаніе послѣднего все тотъ же старый принципъ: *nullum crimen nulla poena sine lege*, то въ этомъ можно видѣть лишь непослѣдовательность. Юристу дѣйствительно трудно отрѣшиться отъ юридическихъ началъ, но съ точки зрѣнія социолога нѣтъ никакой причины ограничивать примѣненіе мѣръ, могущихъ принести пользу и обществу и отдѣльному человѣку, такими условными требованіями.

Казалось бы, представителям „естественно-научного“ направления мѣше всего приличествуетъ такой въ высшей степени не историческій взглядъ, который съ одной стороны видитъ въ дѣйствующемъ правѣ продуктъ произвола, а съ другой желаетъ отмѣнить его однимъ почеркомъ пера, поставивъ на его мѣсто другое усовершенствованное, безъ понятій отвѣтственности и виновности, и съ полнымъ поглощеніемъ принципа справедливости—узкимъ практическимъ критеріемъ цѣлесообразности. Нельзя забывать, что если уголовное право живетъ и развивается, какъ одинъ изъ элементовъ народной жизни, то и лежащія въ его основаніи идеи отвѣтственности и справедливости являются элементами народного сознанія. „Есть нѣкоторыя слова, говоритъ Летурно въ своемъ сочиненіи *l'Evolution juridique*, которыя ни одинъ цивилизованный человѣкъ не можетъ слышать равнодушно, такъ какъ они пробуждаютъ въ немъ цѣлый рядъ ощущеній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ. Среди этихъ лучезарныхъ словъ на первомъ планѣ стоитъ слово „справедливость“: оно отвѣчаетъ смутному, но могущественному чувству, съ очень давнихъ поръ запечатлѣнному въ человѣческомъ мозгу“. Съ такими идеями необходимо считаться; отвергать ихъ, за ихъ мнимой ненаучностью, значить их *professo* работать въ ущербъ интересамъ дѣйствительной жизни, не могущей безъ нихъ обходиться.

Указывая на разрушительныя стремленія представителей новой школы, направленныя противъ классиковъ-юристовъ, мы вовсе не отрицаемъ ни прямыхъ, ни посредственныхъ ихъ заслугъ передъ нашей наукой.

О первыхъ Н. С. Таганцевъ говоритъ: „Пересмотръ ученія о вѣняемости и созданіе новой формулы вѣняенія, переходящей уже въ законодательства, своеобразная постановка ученія о повторяемости преступленій и ея наказуемости, наконецъ, всѣ измѣненія системы карательныхъ мѣръ и порядка ихъ отбытія, въ значительной степени обязаны возникновеніемъ соціологическому изученію преступленія...

...„Антропологическое же направленіе сдѣлало уже извѣстный

вкладъ въ уголовное право, указавъ на необходимость классификаціи преступниковъ“.

Посредственная, отрицательная такъ сказать, заслуга новаго направленія заключается въ томъ, что появленіе его внесло новую жизнь и движеніе въ теорію права, вызвала борьбу, стремленіе отстоять и лучше, прочіѣ обосновать тѣ ученія, противъ которыхъ предпринять былъ походъ. Нѣтъ ничего страшнѣе для науки застоя и рутинны, особенно же для такой науки, конечное назначеніе, конечная цѣль которой—служить практическимъ интересамъ общегитія... Припомнимъ слова Виндшайда: „Мы знаемъ, говоритъ онъ, что наука права существуетъ для того, чтобы содѣйствовать образованію такого права (матеріальнаго и формальнаго), которое могло бы удовлетворять человѣческимъ интересамъ и потребностямъ, въ условіяхъ опредѣленнаго времени и мѣста. Витать въ эфирѣ чистаго познанія прекрасно, но еще лучше работать на благо человѣчества“.

Полемика новой школы именно коснулась многихъ жгучихъ вопросовъ въ области уголовного права, разрѣшеніе которыхъ въ ту или другую сторону имѣетъ, несомнѣнно, огромное практическое значеніе.

Итакъ, я высказываюсь за то мнѣніе, которое въ основу науки уголовного права кладетъ само уголовное право, т. е. совокупность юридическихъ нормъ, коими регулируются преступленіе и наказаніе, какъ юридическія отношенія.—Это истинная область юриста. Онъ можетъ конечно, выходить изъ нея для провѣрки, насколько выработанныя имъ теоретическія понятія и опредѣленія соответствуютъ даннымъ, добытымъ антропологическими и общественными науками. При этомъ онъ долженъ болѣе всего остерегаться принимать какіе бы то ни было выводы на вѣру. Только то, что изъ соответствующей области установлено точнымъ наблюденіемъ и строго научной индукціей, какъ несомнѣнный результатъ, можетъ получить право гражданства въ юридической наукѣ. Именно въ этомъ отношеніи мы можемъ лишь привѣтствовать консервативное направленіе въ юридической наукѣ. Прежде чѣмъ отказываться

отъ построеній, выработанныхъ старой доктриной, прежде чѣмъ задать себѣ вопросъ, вложенный поэтомъ въ уста Сенеки:

„Быть-можетъ, истина не съ нами,
Нашъ умъ ей уже нейметъ
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ“...

мы должны дѣйствительно убѣдиться въ томъ, что данныя, которыя кладутся въ основаніе новыхъ стремленій, въ самомъ дѣлѣ—истина, а не „плѣнной мысли раздраженіе“. Выводы положительной науки не зависятъ отъ того, вѣримъ ли мы въ нихъ, или нѣтъ. Если они добыты путемъ научнаго метода, если повѣрка ихъ, всегда возможная, убѣждаетъ въ ихъ точности, тогда упорство въ опровергаемыхъ ими заблужденіяхъ уже невозможно.

Если, далѣе, результаты изслѣдованій соціологическихъ и антропологическихъ могутъ имѣть и порядко уже имѣли важное значеніе для юриста, то это не значитъ, что эти изслѣдованія должны составлять задачу послѣдняго. Принципъ раздѣленія труда одинаково необходимъ и благотворенъ въ примѣненіи къ научной работѣ, какъ и во всякой другой. Въ послѣднее время мы все чаще и чаще встречаемся съ мнѣніемъ, что юристъ долженъ быть натуралистомъ, что онъ обязанъ предпослать своему юридическому образованію полное и подробное усвоеніе всѣхъ данныхъ, даваемыхъ науками біологическими, антропологическими и т. д., что только тогда работа его будетъ полезна, мало того, только тогда она заслуживаетъ названія научной... О признакахъ, опредѣляющихъ понятіе научной работы, я скажу ниже, касаясь вопроса о методѣ науки уголовного права. Теперь же замѣчу, что область юриста настолько велика и разнообразна, ознакомленіе съ нею требуетъ такого внимательнаго и упорнаго труда, что вводитъ въ нее посторонніе элементы, да еще въ такомъ количествѣ и такого объема, значитъ налагать задачу непосильную для ума одного человѣка. И вмѣсто двухъ знающихъ и вполне образованныхъ лю-

дей—естественника и юриста—получится одинъ полуобразованный, одинаково непризванный ни къ той, ни къ другой сферѣ.

Для русскаго юриста въ особенности непростительно отрицаніе самостоятельной науки уголовного права. На западѣ теоріи кодексовъ разработана и въ общей и въ особенной части съ крайнею тщательностью и подробностью. Каждый вопросъ имѣетъ богатую литературу, систематизація и обобщеніе доведены до высокой степени совершенства.

Судебная практика имѣетъ въ большинствѣ случаевъ возможность руководиться твердыми и ясными началами. Масса контроверзь, въ особенности по теоріи общей части,—носятъ скорѣе академическій характеръ, да и устраненіе ихъ является вопросомъ времени и работы.

Наконецъ, число ученыхъ, посвящающихъ себя юридической наукѣ, не оскудѣваетъ, такъ что умноженіе приверженцевъ новаго направленія не можетъ обезпечить имъ побѣду, одерживаемую не качествомъ, а количествомъ выставленныхъ силъ...

Совсѣмъ другое видимъ мы у насъ. Правда, въ нашей небогатой литературѣ можно насчитать нѣсколько капитальныхъ трудовъ, всесторонне исчерпывающихъ и ярко освѣщающихъ избранную ими область. Достаточно указать на „Курсъ“ и „Лекціи по уголовному праву“ Н. С. Таганцева, на „Преступленія противъ жизни“ его же, на „Руководство“ Неклюдова, на „Ученіе о наказаніи“, „Мошенничество по русскому праву“ проф. Фойницкаго, на труды проф. Сергѣевского, Кистяковского и нѣкоторые другіе. Тѣмъ не менѣе цѣлыя области нашего, даже писаннаго, права остаются совершенно не разработанными.

„Только помощью систематизаціи знаній, замѣчаетъ проф. Листъ, можно овладѣть всеми частностями; безъ этого примѣненіе права всегда останется диллетантствомъ, предоставленнымъ случаю и произволу“. Именно этой систематизаціи по многимъ весьма крупнымъ вопросамъ у насъ недостаетъ.

Цѣлыя отдѣлы нашего уложенія представляютъ дѣвственные лѣса, не изслѣдованные теоретиками. Оттого и былъ такъ огро-